

ВУК ЗАДУНАЙСКИЙ
АЛЕКСАНДР И ЛЮДМИЛА БЕЛАШ

БАЛКАНСКИЙ ВЕНЕЦ

2 ТОМ

МОСКВА
T8 RUGRAM
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
3-15

Задунайский, В., А. и Л. Белаш.

3-15 Балканский венец. Том II / В. Задунайский, А. и Л. Белаш. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 554 с.

ISBN 978-5-521-73517-4
978-5-517-01978-3

Балканы... Суровые, удивительно прекрасные и до сих пор не познанные до конца. Не случайно именно здесь начинались все мировые войны. Это мистический полюс силы, где из века в век льется кровь человеческая. Древность сменяется современностью, но не уходит совсем. И снова над этой землей простираются черные тени прошлого. Но так же, как когда-то давно, выходят против них люди бок о бок с богами и одерживают победу, спасительным огнем выжигая раковую опухоль ненависти.

BIC FLS
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-73517-4
978-5-517-01978-3

© Вук Задунайский, текст, 2020
© Александр и Людмила Белаш, текст, 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Черная рука Карагеоргия (Вук Задунайский)	6
Притча о Вук Огнезмие (Вук Задунайский)	76
Мы, гливары (Александр и Людмила Белаш)	160
Охота на Белого Оленя (Александр и Людмила Белаш)	259
Вечность для усташа (Вук Задунайский)	329
Тихие воды (Александр и Людмила Белаш)	365
Призрак над волнами (Александр и Людмила Белаш) ...	455

ПРЕДИСЛОВИЕ

О чём этот сборник? О чём пишут Вук Задунайский и Людмила с Александром Белаш?

Нельзя однозначно сказать, что это фантастика или фэнтези. Например, «Чёрная рука Карагеоргия» слабо вписывается в эти жанры. Нельзя это назвать и историческими повестями, и приключенческой литературой. Но несмотря на то, что жанр сборника несколько размыт, это цельная книга, которая захватывает с первых страниц. И объединяет её не жанр.

Эта книга — о Балканах. Все произведения сборника посвящены региону, который образно называли «Мягким подбрюшьем Европы». Это разные эпохи, разные люди, разные события. Но всё в произведениях сборника, так или иначе, привязано к Балканам.

Авторы с любовью и знанием темы описывают этот регион, быт и характеры, аристократию и простонародье. И если поток сознания, несущийся на читателя в «Олене», обращён в основном к эмоциям и с юмором доносит до нас понимание хорошего и плохого, то «Чёрная рука» заставляет внимательнее взглянуть на историю Сербии, погружая нас в гниение и разложение династии Обреновичей. При этом Вук Задунайский (это псевдоним автора) показывает нам и историческую фактуру, исполненную на уровне добросовестности научной работы, и сплетни со слухами того времени, сопровождавшие описанные события.

Внимание этого автора к деталям производит завораживающее впечатление, позволяет представить происходящее,

увидеть его мысленным взором. И если многие авторы, вроде Джорджа Мартина или Гарри Тертлдава, используют реальную историю в качестве «черновика» своих книг о других мирах, а авторы фантастических произведений «о попаданцах», вроде Романа Злотникова или Гарри Гаррисона, для создания своего видения истории переписывают её, то Вук Задунайский погружает нас в историю, в реальную историю. И неожиданно оказывается, что реальная история по богатству, разнообразию и невероятности сюжета оказывается сильнее любой фантазии писателя.

Общение с жителями балканских стран, посещение этих стран, консультации с уроженцами Балкан дают двойной эффект. Не только местный колорит, погружающий в события произведения. Это позволяет читателю лучше понять балканские народы, их историю и происходящие в регионе события.

Искренне надеюсь, что это будет не единственный «региональный» проект издательства.

Борис Юлин

ВУК ЗАДУНАЙСКИЙ

ЧЕРНАЯ РУКА КАРАГЕОРГИЯ

*Менко Вуич грамоту пишет
Георгию, своему побратиму:
«Берегися, Черный Георгий,
Над тобой подымается туча,
Ярый враг извести тебя хочет,
Недруг хитрый, Милош Обренович.
Он в Хотин подослал потаенно
Янка младшего с Павлом».
Осердился Георгий Петрович,
Засверкали черные очи,
Нахмурились черные брови...*

А.С. Пушкин

Не спится королю Александру. Сидит он во дворце своем, в роскошном кабинете, пишет письма министрам, послам держав зарубежных, а уснуть не может. Не величие обуревают короля сербов, не радость от свершений достославных, но тревога ужасная. Да что тревога — страх пеленает сердце короля, подобно тому, как мать заворачивает младенца в пеленки из тонкого льна. Едва смежит король веки, как чудится ему, что вот она, из-за тяжелых бархатных портьер высовывается Черная рука и ищет его всюду, и едва уснет он, как отыщет его та рука, схватит за шею корявыми, но сильными черными пальцами и задушит.

И отчего бы королю Александру не спать? Благо, неприятель бы какой у ворот стоял. Так нет же. Неприятелей у Сербии не осталось, одни только друзья, причем один другого сильнее да могущественнее. Франция, Британия, Россия. А особенно — Австрия с Германией. Отец бы никогда не поверил, что такое возможно, а вот поди ж. И внутреннюю смуту смирить удалось. Народишко местный только и знает, что бузить да возмущаться. Только ему доходчиво и внятно, как это принято в цивилизованных европейских странах, к коим, без сомнения, должно было быть причислено и Королевство Сербское, объяснили, что так делать нехорошо. Все должны работать и платить. Поменьше говорить и побольше исполнять. Даже оппозицию, эту несносную оппозицию, удалось усмирить: кому-то намекнули, кому-то приплатили, а кому-то пришлось и в ссылку отправиться. Строить свободную и процветающую Сербию оказалось задачей не из легких. В этой жуткой и отсталой стране с ее диким и совершенно не поддающимся благотворному влиянию цивилизации народом вообще не было легких задач.

Король Александр подошел к окну и распахнул его. За окном в благоухающей майской истоме спал отцветающий уже парк. Горели фонари, в их свете усыпанные цветами ветви деревьев были подобны тем, что росли в райских куцах. Легкий ночной ветерок доносил с гор запахи акации и сосновой смолы. Но отчего-то король поежился и захлопнул окно. Среди усыпанных бледными цветами ветвей ему снова померещилась тянущаяся к нему Черная рука.

Король покинул свой кабинет и прошел в спальню. Оттуда раздавался храп. На необъятных размеров королевской кровати из резного красного дерева с шелковым балдахином персикового цвета лежала королева, издававшая ужасные звуки, более приставшие каким-нибудь деревенским мужикам. Бедная, бедная милая Драга! Как невзлюбили ее в этой стране! Затянутые в корсеты чувствительные дамочки томно вздыхают

и подносят к глазам батистовые платочки, читая сказку о Пепелюге¹. Но стоит чему-то такому произойти у них на глазах, они начинают морщить носики и говорить, что знать ничего не желают.

Его милую Драгу невзлюбили за то, что она была, по их мнению, очень стара, на полтора десятка лет старше короля. Когда же король провел через Скупщину закон о том, что лет ей меньше, чем при обычном исчислении, начались пошлые шуточки в прессе. Ее невзлюбили за то, что она была толста. По мнению же короля, она всего лишь обладала пышными формами, которые ему так нравились, и которыми отличалась также мать его, королева Наталья. Драгу невзлюбили за то, что она была фрейлиной его матери, что она была бедна и незнатного рода, да еще и вдова. За то, что была нрава легкомысленного и поведения вольного. Министр внутренних дел тогда не постеснялся прямо на заседании Кабинета, отговаривая короля от женитьбы, топтать ногами и кричать: «Ваше величество, вы не можете жениться на ней. Она была любовницей всех подряд, включая меня самого». На следующий день он был отправлен в отставку. Министры требовали поместить короля под домашний арест, а то и того хуже — выслать из страны. Правда, первыми они отправились туда сами, пришлось полностью поменять Кабинет. Зато какие вытянутые лица были у господ-сановников на самом бракосочетании! Ради того, чтобы увидеть их, стоило затеять все это.

Драгу невзлюбили за то, что она была женщиной душевной и всегда говорила то, что думала. Но все это с точки зрения короля были такие мелочи! Увидев ее впервые на вилле матери в Биаррице, он сразу понял, что хочет осуществить эту сказку наяву, и никто, даже мать с отцом, не смогли ему в том помешать. Ах да, его Пепелюга к тому же еще и храпела, пристраивала на хлебные места своих многочисленных вороватых

¹ Пепелюга (серб.) — Золушка.

родственников и поговаривали даже, что и сама тоже тащила деньги из казны. Королю это было безразлично. В самом деле, зачем нужны родственники, если их не пристраивать на хлебные места и не расставлять вокруг себя? И зачем еще нужна казна?

Был у его Пепелюги еще один недостаток, который доводил до бешенства отца, короля Милана. Королева не могла родить наследника. Но Александру и это было неважно. Наследником можно было назначить кого угодно, хотя бы одного из братьев королевы или кого-нибудь из черногорской династии, Скупщина бы проглотила, куда она денется. Но злость в адрес королевы за ее позорную мнимую беременность демонстрировали решительно все — и двор, и родня, и оппозиция. Королю было решительно все равно, родит она детей или нет, но на бедняжку Драгу так надели со всех сторон эти страждущие продолжения династии, что ей и впрямь ничего не оставалось, как заработать невроз на этой почве. Так что за историю с якобы беременностью король и слова не сказал плохого возлюбленной своей супруге. Только утешал в минуты отчаяния, когда она, рыдая, поглощала горы венских пирожных с кремом и была дорогой хрусталь.

А уж какие отборные потоки грязи лились на его милую Драгу в прессе и светских салонах, не говоря уже о базарах по всей стране! Но странно — чем больше ее поливали, тем сильнее он хотел защитить и порадовать ее. Назло всем, всему миру. Он поселил королеву в своем роскошном дворце, построенном еще при отце, с грифонами и кариатидами — не хуже, чем в Вене. Осыпал ее бриллиантами, которые она так любила, и дорогими подарками. К ее услугам всегда были лучшие парижские портные, изящно драпировавшие ее выдающуюся во всех отношениях фигуру. Да и охраняли ее лучше, чем его королевскую особу.

Тут вдруг показалось королю Александру, что пышный балдахин над королевской кроватью заколыхался, и оттуда высу-

нулась... Она самая, Черная рука! Король отдернул полотнище балдахина, за ним была пустота. Он провел рукой по покрывшемуся испариной лбу. Определенно, им с Драгой надо было отдохнуть ото всего этого безумия. Съездить куда-нибудь во Францию или в Италию. В Биарриц, например. Или в Висбаден. В этой стране, с какой бы жалостью не относился король к своей Сербии, ничего хорошего отродясь не происходило и происходить не могло.

Король вернулся в свой кабинет и выпил стоявшее на столе вино. Разумеется, французское, из лучших подвалов Бордо. Не пить же ему тот жуткий бренди из гнилых слив, который так любят местные крестьяне и который ни один нормальный человек даже в рот не возьмет. Здесь хорошее вино делать не умели. Здесь вообще ничего не умели, кроме как только резать друг дружку, тащить все, что плохо лежит, и кричать о величии страны.

Король просто не мог позволить себе заснуть, хотя глаза почти смежил сон. Определенно, с этой Черной рукой надо было что-то делать. Страх этот родился не на пустом месте. Давно, ох давно замышляли против короля многие, в том числе и в гвардии, где многие явственно симпатизировали Карагеоргиевичам. В последнее время, правда, они попритихли, даже про королеву перестали чесать языками. Но это и было хуже всего. Это означало, что они поумнели и что-то задумали. Надо, надо будет почистить и гвардию. Прямо с утра, не откладывая на завтра.

Король Александр выпил еще вина. И тут вспомнилось ему, как недель шесть назад посланник его в Британии Миятович, по указанию короля явившись на спиритический сеанс к самой модной в Лондоне ясновидящей Маргарет Шиптон, адепту глубоко тайного герметического ордена «Золотая заря», передал ей запечатанный пакет с королевским письмом, не предупредив ее об этом. Ясновидящая сильно взволновалась